

риарху с Карионом Истоминым. Назавтра, 11 июня, «сие писание чтено на соборе в Патриаршей крестовой палате».⁴⁹

Белобоцкого не постигла трагическая участь Квирина Кульмана. Он остался в Москве, перешел в православие, поступил на «государеву службу» и занялся литературной и преподавательской деятельностью, обеспечившей ему впоследствии покровительство ряда влиятельных лиц.

Ко времени приезда в Москву Лихудов в 1685 г. Белобоцкий уже имел достаточный авторитет, чтобы смело вызывать на спор ученых греков. К сожалению, о ходе диспута у нас имеются лишь крайне односторонние показания «самобратий» Лихудов, не отличавшихся ни скромностью, ни щепетильностью в полемике. Диспут был устроен в присутствии братьев Апраксиных, племянника патриарха Иоакима И. А. Мусина-Пушкина, переводчика Посольского приказа Н. Спафария. Белобоцкий «овогда глаголаше быти себе от калвинов, овогда же от лутеранов, и овогда же от папистов», в вопросе о пресуществлении придерживался латинских взглядов. По словам Лихудов, опровергнутый и уличенный ими в ересь Белобоцкий «пребых безгласен и убежать не можаше», так как бывшие с ним «боляре» понуждали его к ответу. В конце концов ересеучитель сосался на непричастность свою к обговору и предложил другую тему для диспута: как «рождается душа, от семени мужеска или посылается отвне, рекше от бога», но и тут был разбит.⁵⁰ Трудно сказать, чем в действительности закончился спор. Во всяком случае Лихуды получили в свои руки Академию, основанную два года спустя в Москве, Белобоцкий же спустя год после диспута уже находился в пути на китайский рубеж.

Сведения, сообщаемые Евфимием, представляют собой единственное свидетельство о деятельности Белобоцкого в 90-е годы. По словам иеромонаха Чудова монастыря, Белобоцкий, «яко диавол живец, на соборе будто отрицался ересей лютерских и латинских, с анафематствами, а все творил притворством, имже вползе в паству Христову; а опосле того все тожде и мудрствует, и в разговорех все латинству учит, и прелщает и доднесь». И далее, говоря о деятельности «таковых прелестников» в Москве, фанатичный сторонник истинного православия сообщает, что «начаша сидевии семо приходити и вселятися неких благородных жителей в дома, оттоле о церкви, и о церковных преданиях и чинех, и о самой вере начаше двизатися словеса неподобная, и тем не токмо простии человеци прелстишася, но и освященнии нецыи, иже помалу и тайно и тии о вере любопрения воздвижут, ими же многы прелщающе и от истины преучающе».⁵¹

В этой ожесточенной борьбе ревнителей древнего греческого благочестия и сторонников светского просвещения развертывается литературная деятельность Андрея Белобоцкого, к рассмотрению которой мы и переходим.⁵²

4. Творения на русском диалекте

Вопреки мнению Андрея Белобоцкого, трактат Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и до него переводился на русский язык. Выяснение достоинств этого нового перевода не входит в наши задачи; нас инте-

⁴⁹ Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 240.

⁵⁰ Там же, стр. 240—242.

⁵¹ Там же, стр. 242.

⁵² Уделяя основное внимание поэтическому творчеству Белобоцкого, его философским и религиозным взглядам, мы оставляем в стороне его риторические сочинения, обстоятельно исследованные В. П. Зубовым. См. также нашу статью «„Великая наука Раймунда Люллия“ и ее читатели», посвященную выяснению причин популярности этого сочинения в XVIII в.; см.: стр. 193.